

Геральт прыгнул в отверстие гнезда неккеров и поскользнулся на левом боку по наклонному туннелю, но путешествие продлилось менее двух секунд. Он вылетел из туннеля ногами вперед и мягко приземлился, присев на корточки, на первый этаж общего логова. Ранее на хребте Иви спросила Геральта, почему он просто не смог истребить неккеров, сбросив бомбу в гнездо. Он объяснил, что на самом деле в первом логове неккеры не жили. Это действовало как вестибюль. От этого общего логова гнезда будет множество других туннелей, ведущих наружу и немного вниз к другим логовам, где неккеры на самом деле ели, спали, занимались сексом и чем-то еще, чем неккеры занимались в свободное время.

В гнезде было темно, но, сделав порцию кошачьего зелья, Геральт отчетливо разглядел окрестности и увидел, что он один. Но ведьмак не сразу приступил к делу. Он оставался в присевшей позе, не двигаясь ни единым мускулом, позволяя своим ведьмачьим чувствам взять верх. Вонь была невыносимой. Резкий запах разложения и экскрементов был словно удар по носу. Иногда обладание сверхострёнными чувствами действительно вредно, подумал ведьмак. Он повернул голову и увидел четыре отдельных входа в туннели, ведущие в другое место, а затем сосредоточился на прослушивании каждого из туннелей. Он мог уловить самые слабые звуки. Он не был точно уверен, что именно слышит – скорее всего, это была какая-то деятельность неккеров – но он мог сказать, что того, кто издавал шум, поблизости не было. Повезло, что убийца монстров напал ночью. Неккеры, естественно, не были ночными существами. У них был цикл сна, более или менее похожий на человеческий, а это означало, что Геральт надеялся, что все неккеры внизу уже «улеглись спать» на вечер.

Он медленно начал подниматься из своего присевшего положения. Подняв глаза, он увидел, что потолок логова находится всего в пяти футах от пола. Кроме того, полукруглое логово было всего около восьми футов в диаметре. Это потенциально могло усложнить жизнь ведьмаку. Не было никакой возможности, чтобы он смог адекватно владеть своим мечом в таком замкнутом пространстве. В любом случае игра на мечах не была частью первоначального плана, но тот факт, что он не сможет использовать свое любимое оружие, заставил его вздрогнуть. Потому что он знал, что даже самые лучшие стратегии обычно идут прахом, как только происходит первый контакт с врагом. Много раз, к его крайнему разочарованию, оппоненты просто действовали не в соответствии с его планами.

Белый Волк подошел к ближайшему туннелю и преклонил перед ним колени. Из своего патронташа он схватил две бомбы — по одной «Дождевик Дьявола» и «Мечта Дракона», оставив при этом бомбу «Танцующая звезда» на месте. Создавая бомбы, ведьмаки могли выбирать из множества канистр или контейнеров, в которые можно было засыпать взрывчатые компоненты. Тип выбранной канистры определялся, во-первых, конкретными потребностями цели — например, нужен ли ведьмаку немедленный или отсроченный взрыв; во-вторых, по степени летучести и горючести ингредиентов, и; в-третьих, по состоянию вещества – то есть жидкости, газа или геля – внутренних компонентов. Каждая канистра должна была быть изготовлена в соответствии со строгими стандартами. Меньше всего ведьмак хотел, чтобы неисправная канистра взорвалась, находясь у него в руке или на патронташе. Таким образом, Геральт никому не доверял создание своих бомбовых контейнеров, кроме себя. Каждую зиму, возвращаясь в Каэр Морхен, он проводил бесчисленные часы в лаборатории, работая с различными металлами и многочисленными видами стекла, смолы, сока, воска и других компонентов, чтобы создать более сотни различных типов пустых бомбовых «снарядов». "Были бомбы, которые взрывались при контакте; некоторые использовали зажженный взрыватель для детонации; и другие, в которых внутренние компоненты оставались

разделенными до тех пор, пока посредством вращения специального механизма ингредиенты не смешались. С этим последним типом канистры, после активации необходимого механизма, ведьмак энергично встряхивал бомбу, и затем у него было около трех секунд, прежде чем ингредиенты прореагировали достаточно, чтобы взорваться.

Геральт знал, что для нападения на неккеров он не может использовать бомбы, взрывающиеся при контакте, поскольку просто понятия не имел, какой длины каждый туннель. Он ни в коем случае не собирался ползти в каждое отдельное логово. Даже для ведьмака это было самоубийством. Поэтому, чтобы взрывное устройство достигло логова в конце туннеля, ему придется бросить бомбу с огромной силой, что исключало использование первого типа канистры – типа «детонация при контакте». Кроме того, легковоспламеняющиеся компоненты бомбы «Танцующая звезда» не позволяли ему использовать канистру поворотного типа. Таким образом, еще находясь на хребте, ведьмак очень точно выбирал тип канистры для каждого отдельного взрывчатого вещества.

Геральт тихо подошел к следующему туннелю и положил на землю перед ним Дождевик Дьявола и Мечту Дракона. Затем он сделал то же самое для каждого из двух других отверстий. Теперь на земле валялось восемь бомб – по две перед каждым туннелем – и четыре бомбы «Танцующая звезда» все еще оставались на его патронташе. Поскольку «Танцующая звезда» произвела самый сильный взрыв и самый громкий шум, план ведьмака заключался в том, чтобы бросить первые две бомбы в каждый туннель, а затем быстро вернуться назад, зажечь и бросить «Танцующую звезду». Он боялся, что если он взорвет все три бомбы в первом туннеле одновременно, то взрыв Танцующей звезды предупредит неккеров в других логовах, и они либо направятся в общее логово для контратаки, либо прокопают себе дорогу на поверхность, чтобы спастись, прежде чем у него появится возможность забросить бомбы в их жилые помещения. Геральт глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Затем он взял «Дьявольский дождевик» и подумал про себя: «Вот и все».

ooo

Нервы Иви были расстроены. Прошло всего около двух минут с тех пор, как Геральт исчез в гнезде неккеров, но за это время Иви могла поклясться, что услышала дюжину звуков, указывающих на готовящееся нападение неккеров. И с каждым звуком ее пульс продолжал увеличиваться. Поскольку она стояла рядом с Роучем, гнедая кобыла легко уловила страх Иви, заржала и топнула передним копытом. Затем, поскольку Иви начала беспокоиться, что, стоя так далеко от гнезда, она не сможет услышать Геральта, если он предупредит ее, она осторожно пошла к черному как смоль отверстию. Сделав следующий шаг вперед, Роуч снова заржала, заставив ее подпрыгнуть. Она оглянулась через плечо, пристально глядя на лошадь, и потянулась, чтобы крепко схватить бомбу «Северный ветер» на своей груди. Она сделала еще один неуверенный шаг вперед, ее взгляд метнулся к гнезду, затем влево и вправо и снова к гнезду. Она была на полпути, когда волосы на ее затылке внезапно встали дыбом. Она тут же обернулась, ее глаза всматривались в темноту. Она ничего не видела, но тут же побежала обратно к Роучу.

— Как насчет того, чтобы держаться вместе, а, девочка? — спросила она, поглаживая шею лошади.

И затем Иви услышала это. Далекий удар, доносившийся из глубины земли. И она знала, что Роуч тоже это почувствовал, потому что кобыла снова заржала – на этот раз гораздо громче, чем раньше – и мощные мускулы под ее гладкой шкурой дернулись от предвкушения и страха.

ooo

Геральт выругался. Он только что бросил бомбу «Танцующая звезда» в третий туннель и торопливо двигался к четвертому — и последнему — проходу. Взрыв в первом туннеле поднял волну пыли в общем логове, затруднив видимость. Но не это волновало Геральта. Дело в том, что вторая бомба «Танцующая звезда» не взорвалась. Он надеялся, что Дьявольский Дождевик вывел из строя всех неккеров, находившихся во втором логове, но Геральт знал, как ему повезло, и это было не так уж хорошо. Он выхватил из патронташа бомбу «Танцующая звезда» и, вывернув пальцы в поисках знака Игни и поджег фитиль, почувствовал, что его медальон в виде волчьей головы начал дергаться. Он поднял руку назад, чтобы бросить бомбу так сильно, как только мог, в туннель, когда его ударили сзади, и бомба выпала из его рук.

«Ууууууууу!»

Ведьмаку на ухо громко завизжал разгневанный неккер – разгневанный неккер, лежавший у него на спине и пытавшийся выцарапать ему глаза. Сила атаки неккера заставила Геральта отскочить от стены логова и рикошетить в противоположную сторону, при этом злобный зверь все время лежал у него на спине. Геральт прижал подбородок к груди и закрыл лицо левым предплечьем, чтобы защитить глаза от когтей неккера. В то же время он потянулся к правому бедру, схватил рукоять ножа и быстрым ударом вверх через правое плечо вонзил лезвие на шесть дюймов прямо через глазницу неккера в его мозг.

Труп неккера мгновенно упал со спины, и ведьмак принялся лихорадочно искать бомбу на земле. Он увидел, что запал бомбы горит возле входа в четвертый туннель, и, когда он пополз, чтобы поднять его, его медальон снова дернулся. Он повернулся как раз вовремя. Второй неккер ударил его правым когтем, но Геральт перехватил его запястье левой рукой прежде, чем он успел пролить кровь своими острыми, как бритва, шестидюймовыми ногтями. Когда существо подняло левый коготь, чтобы порезать лицо Геральта, он снова прижал подбородок к груди и поднял правое предплечье, чтобы защитить глаза. Вместо того, чтобы толкнуть неккера вперед, он сделал быстрый шаг назад и притянул существо к себе, чтобы вывести его из равновесия, а затем сразу же и неоднократно начал прокалывать живот неккера пятью, шестью, семью глубокими ударами своего ножа – каждый удар проникал по самую рукоять. Пока энергия и жизнь утекали из мерзкой твари, она не умерла мгновенно и все еще держалась за Геральта, пытаясь нанести урон.

Все еще опустив голову в поисках защиты, глаза ведьмака отчаянно искали бомбу у его ног. Он мельком увидел взрывное устройство чуть позади себя, его предохранитель едва догорал в металлическом контейнере. Ведьмак оттолкнулся назад, его пятка частично коснулась бомбы, заставив ее медленно покатиться в четвертый туннель. Геральт с силой перенес свой вес и изогнул тело, используя инерцию, чтобы швырнуть почти безжизненного неккера в туннель. Он немедленно нырнул в дальнюю часть логова и заткнул уши как раз перед тем, как огненный взрыв разнес тело неккера на куски и вылетел из туннеля в логово.

Геральт неуверенно поднялся на ноги, в ушах у него слегка звенело. Он искал туннель, ведущий на поверхность, но в воздухе было слишком много грязи, пыли и дыма, закрывавших ему обзор. Он понятия не имел, в каком направлении находится выход. Затем он почувствовал, как его медальон завибрировал в третий раз.

— Черт возьми, — снова выругался он. Он потянулся, чтобы схватить веревку вокруг своей талии, но она была совершенно провисшей.

«Иви! Тяни! Тяни!» - крикнул ведьмак.

Он ожидал, что веревка тут же натянется, но ничего не произошло, за исключением того, что

его медальон продолжал дергаться на цепочке.

«Иви! Тяни!»

Где-то слева он услышал визг наккера, хотя не мог его увидеть среди пыли и дыма, наполнивших логово. Затем он услышал еще один визг неккера справа от него.

«Здорово», — сказал он себе.

ooo

Когда взорвалась вторая бомба, Роуч начала терять самообладание, несколько раз ржала и топала копытами. Иви протянула руку и схватила ее за уздечку левой рукой, одновременно потирая шею правой и пытаясь успокоить ее мягкими словами.

«Все будет хорошо. Он знает, что делает. Все будет хорошо». Она не была уверена, кого она пыталась убедить больше – себя или лошадь.

Спустя несколько мгновений взорвалась третья бомба, ее взрыв был намного громче и гораздо ближе. Для Иви это звучало так, будто оно доносилось прямо из гнезда неккеров. Роуч, широко раскрыв глаза, издала оглушительный крик и начала полудергаться, полубегать кругами. Иви, которая все еще держала уздечку кобылы, внезапно была взята на прогулку. Она почти сразу же потеряла равновесие, а при падении уздечка вырвалась из ее рук. Когда она падала на землю, ей хватило присутствия духа, чтобы перевернуть тело так, что она приземлилась на спину, пощадив три бомбы «Северный ветер», привязанные к ее груди. Поднявшись на колени, она заметила две вещи: Роуча, все еще бегущего кругами, и Геральта, выкрикивающего ее имя снизу.

Она вскочила на ноги и побежала к Плотве, но пугливая кобыла встала на дыбы, не позволяя историку приблизиться. Затем Иви услышала, как Геральт снова зовет ее. В одно мгновение она приняла решение и побежала к гнезду неккеров, потрясенная, увидев что-то похожее на дым, вырывающийся из норы. Она остановилась, схватила провисшую веревку руками и начала тянуть так сильно и быстро, как только могла.

ooo

Хоть он и не мог их видеть, Геральт почувствовал приближение двух неккеров. Он опустился на одно колено, надеясь, что зрение монстров было таким же ослабленным, как и его, и что, если они нырнут на него, то пролетят над его головой. А затем, пригнувшись, убийца монстров выпустил непрерывный залп Игни из левой руки, начиная с левой и двигаясь вправо. Оба неккера загорелись и начали визжать еще громче прежнего, а потом вдруг Геральт почувствовал, как дернули за веревку вокруг его пояса. Он протянул правую руку, чтобы узнать как хорошие новости, так и плохие. Хорошей новостью было то, что веревка была растянута, и теперь он мог определить, в каком направлении находится выход. Плохая новость заключалась в том, что он находился на противоположной от выхода стороне логова, и на его пути стояли два горящих, но все еще опасных неккера.

Он ударил по земле Взмахом Аарда, сбив неккеров с ног, но также потушив пламя, а затем немедленно побежал туда, где, по его мнению, должен был быть выход. Он ударился плечом о стену логова и судорожно, как человек с завязанными глазами, водил руками по стене, пока наконец не нашел то, что искал. Он прыгнул головой вперед к выходу, но, начав ползти вверх, почувствовал сильную боль в правой ягодице. Неккер бросился на него, его длинные когти пронзили обработанные кожаные штаны Геральта и проникли в его мясистую задницу.

Ведьмак перевернулся на правый бок и начал слепо бить левой ногой назад, надеясь попасть в лицо неккера. Все это время острые как бритва ногти неккера тянулись вниз, разрывая кожу и мышцы ведьмака. В конце концов он установил плотный контакт и почувствовал, как хватка неккера ослабла. Он пнул еще раз, а затем пополз вверх.

ooo

Иви изо всех сил тянула веревку, одновременно крича Роучу: «Беги, идиот! Беги в ту сторону!»

Но кобыла не слушала. Она больше не дергалась и не бежала, а просто стояла на месте, в волнении топала копытами по земле и пронзительно ржала. Внезапно и неожиданно веревка ослабла, и Иви упала спиной на травянистую землю. Она подняла глаза и увидела Геральта, отчаянно выползающего из гнезда неккеров, но ее облегчение было недолгим и тут же сменилось ужасом, когда она увидела, как прямо за ведьмаком появились три неккера.

Убийца монстров, уже встав на ноги, повернулся лицом к трем существам. Он протянул руку, схватил рукоять своего серебряного меча и вытащил лезвие из ножен.

С ухмылкой на лице он прорычал: «Теперь ты мертв».

К сожалению, неккеров видели не только Геральт и Иви. Роуч тоже увидела, как они тут же вскочили на задние лапы, а затем взлетели, словно ее ужалил шершень. Геральт, слишком сосредоточенный на трех зверях, даже не заметил этого. Когда он только собирался нанести удар, его внезапно дернуло назад за веревку, все еще обвязанную вокруг его талии, и потащило по земле вслед за Роучем. Наблюдая за тем, как ведьмак пролетает мимо нее, Эви подняла глаза и увидела приближающихся к ней неккеров. Каким-то образом сквозь панику, охватившую ее разум, всплыло слово «бомба». Она потянулась к взрывчатке на патронташе, вытащила ее из обоймы и швырнула в наккеров. Бомба упала на землю перед ними, взорвавшись голубовато-белым взрывом и заморозив их на месте ровно на время, достаточное для того, чтобы она успела развернуться и помчаться к гребню. Подняв глаза, она увидела Геральта, бегущего по склону в ее направлении, а вокруг него мерцали светящиеся оранжевые молнии Квена.

Медленно приблизившись к трем только что оттаявшим неккерам, ведьмак сказал: «Ладно... теперь ... ты мертв».

Первый неккер прыгнул в воздух к убийце монстров, протянув обе когти, чтобы пролить кровь. Ведьмак плавно шагнул влево, опустив клинок чуть ниже дельтовидной мышцы вытянутой руки неккера. Неккер взвыл, когда его придаток полетел в воздух. После того, как клинок ведьмака полностью прорезал плоть и кости неккера, он позволил инерции меча свернуть его в пируэт, одновременно опустившись на одно колено. Это позволило ему поймать клинком второго неккера в середину бедра. Меч пронзил неккера, как горячий нож масло, и чудовище упало на землю, кровь брызнула из двух его обрубков. Все еще стоя на одном колене, Мясник из Блавикена перекатился вперед и пронзил третьего неккера прямо в живот, его меч вышел на добрых двенадцать дюймов из спины существа. Поднявшись, ведьмак снял левую руку с рукояти меча и схватил неккера за обвисшую кожу на шее. Затем он поднял неккер с ног, одновременно увеличивая угол наклона лезвия. Гравитация сделала все остальное, когда существо скользнуло дальше по лезвию к рукояти меча. Из спины наккера теперь торчало лезвие на два фута.

Вдруг ведьмак услышал позади себя шум. Повернув правую ногу, он опустил и развернул тело монстра в сторону шума. Теперь однорукий неккер не смог замедлить атаку и побежал прямо

на торчащий клинок. Позже ведьмак пошутил, что это был его первый неkker-кебоб. Теперь, когда оба существа были пронзены его мечом, он шагнул вперед правой ногой и изо всех сил повернул тело влево. Два неккера упали назад и с грохотом ударились о землю, один поверх другого. Ведьмак быстро дернул клинок вверх, а затем, кряхтя, снова опустил его вниз, пронзив грудную полость обоих неккеров.

Белый Волк вытащил свой клинок из двух трупов и начал медленно вращать своим телом, осматривая глазами местность вокруг себя. Он внимательно прислушивался, но на лугу было мертвенно тихо. Он вернулся к гнезду неккеров, присел на корточки и стал ждать. Через пять минут он встал и осторожно начал пробираться по лугу. Еще через пять минут он решил, что они сделали все, что могли, учитывая тот недостаток времени, в котором они находились. Если внизу остались еще живые неккеры, то пусть будет так.

Именно тогда он взглянул вверх по склону и увидел Иви, стоящую на вершине хребта и смотрящую на него сверху вниз. По обе стороны от нее стояли лошади, одна рука держала каждую из их уздечек. Увидев ее там, на его лице промелькнуло задумчивое выражение. Он сказал ей, что, если дела пойдут плохо, ей следует уехать и не оглядываться назад. Но, судя по всему, она не хотела этого делать. Продолжая смотреть на нее, ведьмак слегка кивнул головой, понимая, что только что узнал немного больше о характере историка. Затем он начал хромать вверх по склону к троим. Когда и адреналин, и ведьмачьи зелья начали рассеиваться, его мозг начал регистрировать боль, исходящую из различных частей его тела. Он знал, что скоро ему придется осмотреть себя.

Когда Геральт подошел к Иви на вершине хребта, она спокойно спросила: «Это... могло бы быть лучше, верно?»

Ведьмак даже коротко и тихо рассмеялся.

«Без сомнения. Но любой контракт, от которого ты можешь отказаться... считай его успешным». Затем его лицо стало серьезным. «Теперь... где моя монета?»

Когда Эви покачала головой, на ее лице появилась медленная улыбка.

«Конечно, Мастер Ведьмак. Прямо сейчас, Мастер Ведьмак».

ooo

«Иви, думаю, мне понадобится помощь с задницей».

«Ммм... Окей. Что именно тебе нужно?» – с трепетом спросила Иви.

Подняв длинную изогнутую металлическую иглу, Геральт спросил: «Ты умеешь шить?»

"О, Боже."

ooo

Сразу после «Битвы на Неккерском лугу» — так с этого момента Иви будет называть это событие — Геральт начал искать место для ночлега на остаток вечера. Он мог бы продолжить, но один взгляд на Эви, и было ясно, что она вот-вот упадет в обморок. Честно говоря, они были в пути двадцать четыре часа – двадцать четыре очень напряженных и напряженных часа. Во время поисков они наткнулись на небольшой горный ручей. Это было немного, даже по пояс, но они воспользовались возможностью. Они напоили лошадей, наполнили фляги и, по

предложению ведьмака, искупались.

«Кто знает, когда нам представится такая возможность в следующий раз», — сказал он.

Геральт стоял на страже спиной к ручью, пока Иви разделась догола, схватила мыло, которое Геральт подобрал в ее коттедже, и начала смывать со своего тела пот, грязь и копоть, накопленные за несколько дней. Она была измотана, но холодная горная вода лишила ее бдительности. После того, как она переоделась в свежую одежду, настала очередь Геральта. Проходя мимо нее, он уловил сильный аромат ванили. Он на мгновение остановился и глубоко вдохнул, но затем быстро покачал головой и немедленно принялся чистить свой меч, нож и доспехи – все они были покрыты кровью неккеров, волосами, кусочками костей и огроидным маслом. Только после того, как за его снаряжением почистили, он приступил к чистке и уходу за своим телом. Именно в этот момент он понял, что ему, вероятно, придется зашить раны на спине, и что для этого ему понадобится помощь.

Геральт расстелил одеяло на земле, положил обнаженный серебряный меч с левой стороны, а затем воткнул зажженный факел в землю с правой стороны одеяла примерно на середине уровня. Когда он начал спускать брюки, Иви остановила его.

«Подожди. Ты уверен, что не сможешь сделать это сам? Наверняка, ты делал это раньше».

«Бесчисленное количество раз. Но из-за расположения раны я не вижу, что делаю. Итак, мне нужна твоя помощь. Иви, о чем ты беспокоишься? Я видел тебя обнаженной. сравняй нас».

«Правильно... верно. Хорошо. Ты собираешься стерилизовать иглу?»

«Зачем? У меня иммунитет к болезням и инфекциям».

"Конечно же."

В этот момент Геральт развернулся, сбросил штаны и лег лицом вниз на одеяло. Иви опустилась на колени и оседлала его правую ногу. Она ахнула от этого зрелища. На спине Геральта было четыре глубоких кровавых раны, каждая длиной около шести-восьми дюймов. Это займет некоторое время.

Завязывая узел на конце нитки, она спросила: «Что это за волосы?»

«Мантикора. Она тонкая, но очень упругая. И растягивается ровно настолько, насколько нужно. Лучше всего подходит для швов».

Она задавалась вопросом, насколько обширны познания ведьмака во всех вопросах медицины. Она не сомневалась, что он мог бы стать приглашенным лектором в Медицинской школе Оксенфуртской академии, если бы захотел.

Она протянула руку вниз, но прежде чем схватить его плоть, остановилась.

«Геральт, я не лучшая швея».

«Иви, это не обязательно должно быть идеально. Со временем они заживут сами, но это только ускорит процесс, ладно?»

Она кивнула. «Это будет больно?» — нервно спросила она.

«Немного. Но ничего, к чему я не привык. Просто помните – не просто сшивайте кожу. Вам

также нужно заполнить мышечную ткань под ней».

Ранее Геральт принял зелье белого меда, чтобы нейтрализовать любые токсины в своем организме. Он заверил Эви, что теперь к нему можно прикасаться. Она протянула руку, схватила кожу в верхней части ближайшей к ней раны, а затем воткнула иглу через оба края ткани.

Она становилась меньше нервничать с каждым проходом иглы в его плоть, тем более что Геральта это, видимо, не беспокоило. Было ли это на самом деле больно для него, она не знала, и это заставило ее задуматься о том, насколько высок болевой порог ведьмака. «Если его когда-нибудь схватят и будут пытаться, чтобы получить информацию, сломается ли он когда-нибудь», — размышляла она. Сколько боли мог пережить ведьмак, прежде чем его мучителю, наконец, надоело и он просто убил его? Эта мысль заставила ее вздрогнуть.

Несмотря на его слова об отсутствии необходимости в совершенстве, Иви накладывала швы очень медленно, потому что хотела сделать работу как можно лучше. Поэтому, прежде чем она успела нанести вторую рану, пламя факела начало угасать.

«Геральт, у меня проблемы со зрением. Можешь, пожалуйста, снова зажечь факел?»

Ведмак положил голову на скрещенные руки, поэтому он приподнялся, потянулся назад правой рукой, сделал знак рукой, и пламя огня материализовалось прямо перед его ладонью, а затем выстрелило вперед, чтобы снова зажечь факел.

«Это так потрясающе», — сказала Иви шепотом.

Она, очевидно, уже несколько раз видела, как он выполняет свои Знаки, но все еще трепетала перед его особой силой.

— Геральт, можно вопрос?

— Конечно, — ответил ведьмак, снова положив голову на предплечья.

«Вы волшебник — как маг или волшебник?»

«Хм. Не совсем».

«Тогда в чем разница между тем, что делаешь ты, и тем, что делает колдун?»

«Ну, по сути, мы все делаем одно и то же. То есть берем хаотическую силу — энергию — найденную в природе и манипулируем ею, контролируя ее в наших собственных целях. Но есть несколько различий в том, как мы это делаем. Во-первых, мы все делаем одно и то же. Пользователи магии рождаются со способностью использовать силу. А мы — ведьмаки — приобретаем ее только благодаря мутациям. Во-вторых, их способности, как правило, требуют использования сложных заклинаний или заклинаний. Я не знаю точно, как или почему, но есть что-то... магическое... в словах, которые они произносят, что позволяет им поймать огромное количество Хаоса. Это делает их гораздо более могущественными в магическом отношении, чем ведьмаки. Кроме того, и это зависит от заклинания, которое они используют. Но, как правило, им приходится использовать обе руки, чтобы владеть своей силой. А их заклинания — из-за времени, необходимого для произнесения замысловатых заклинаний — обычно занимают несколько секунд. Сравните все это с ведьмачьими Знаками, которые выполняются немедленно, без заклинания, и одной рукой».

«Интересно. Итак, раз уж ты можешь владеть этой силой, если захочешь, сможешь ли ты стать магом?»

Он покачал головой.

«Я не знаю. Возможно, но на это потребуются годы – даже десятилетия – обучения. Это правда, что маги рождаются со способностями владеть магией, но им также приходится пройти тщательное обучение, чтобы эффективно использовать ее. ... Это занимает много времени».

— И тебе никогда не хотелось это попробовать?

"Не совсем."

"Почему нет?"

«Такая магия не способствует ведьмачьей работе».

"Как же так?"

«Меч — основное оружие ведьмака. Точка. Все остальное, что мы используем, является дополнительным. Поэтому необходимость использовать заклинания, требующие обеих рук, не приносит мне никакой пользы... потому что это означало бы, что мой меч придется положить в ножны. Плюс "Поскольку меч - наше любимое оружие, ведьмаки сражаются в ближнем бою. Поэтому нам нужны заклинания - Знаки - которые действуют мгновенно. Знаки, на произнесение которых уходит три-четыре секунды, будут бесполезны. Зверь набросится на меня, разрывая мой горло еще до того, как я успел произнести половину заклинания».

Эви впитывала каждое слово. Историку в ней очень хотелось, чтобы у нее в руках было перо и пергамент вместо иглы и плоти.

Продолжая зашивать спину ведьмака, она продолжала задавать вопросы.

«У меня есть еще один вопрос о магии, который меня давно беспокоит. Может быть, вы сможете на него ответить?»

"Я постараюсь."

«Ну, я читал множество исторических отчетов о битвах, в которых участвовали маги. Битва при Содден-Хилле — лишь один из примеров».

«Угу. Какой у тебя вопрос?»

«Я читал о том, насколько сильны эти маги. Одна волшебница могла вызвать с неба огромные огненные шары, уничтожая целые взводы людей».

«Да, я сам это видел».

«Тогда, если это так, то почему эти маги не контролируют мир? Они сильнее кого-либо. волшебный пользователь? Для меня это просто не имеет смысла».

"Точно."

"Да? Что вы имеете в виду?"

«Магия не имеет смысла. Она нелогична. Она не предсказуема... потому что она исходит из Хаоса. Естественно, она не является частью этого мира или частью людей».

«Хорошо... но как это объясняет, почему маги не правят всеми нами?»

«Хорошо. Вот логическое объяснение. Способность использовать магию — это талант или навык, такой же, как и любой другой. У каждого есть способность взять кисть и нанести немного краски на холст, но не у каждого есть умение Ван Гога. ", верно? Ну, пользователи магии, о которых вы говорите - те, которые могут испарить десятки солдат одним заклинанием - столь же редки. Они - элита из элиты. Большинство пользователей магии на самом деле имеют меньше силы, чем я. ...Они могут делать простые вещи, например, вылечить больную корову или случай бегства - что немаловажно, особенно если у вас есть беги. Но элитные маги? Это те, кто родился с невероятной высокой уровень таланта и, во-вторых, прошел обширное обучение, чтобы максимально раскрыть этот талант. Мы говорим о... может быть, двадцати или тридцати во всем мире, которые находятся на том уровне, о котором вы думаете».

«Хорошо. Но разве эти тридцать не могут быть достаточно могущественными, чтобы править миром?»

«Они могли бы, но на своем опыте я обнаружил, что, к счастью, это кучка гадюк».

— К счастью? Почему ты за это благодарен?

«Есть несколько исключений, но почти все они — ненадежные, властолюбивые предатели. Вы помещаете трех магов в комнату, и через минуту двое из них будут строить планы, как избавиться от третьего. Они могут Мы не сохраним их союзы, и это хорошо. Если они когда-нибудь объединятся... у нас будут проблемы».

«Хорошо. Может быть, это объясняет, почему они все вместе не правят, но как насчет индивидуальности? Я видел, как ведьм сжигали в Новиграде. Как их вообще захватывают? Разве они не могут создавать порталы, которые позволят им сбежать? Разве они не могут произносить заклинания, меняющие их внешний вид? Это просто не имеет смысла».

«Ну, опять же, ведьмы, которых вы видели горящими, вероятно, не были элитными, о которых мы говорим. Они, вероятно, были больше похожи на травников или алхимиков. Тем не менее, даже элитные не всеведущи и не всемогущи. Их можно застать врасплох. Взорвите димеритиевую бомбу поблизости, и тогда они не более опасны, чем кто-либо другой. На самом деле, они, вероятно, менее опасны. Маги настолько зависят от своей магии, что никогда не даже потрудитесь изучить такие вещи, как физическая подготовка, рукопашный бой или умение пользоваться оружием».

«Можно ли было бы победить мага, если бы он не был застигнут врасплох?»

«Определенно. Их можно победить, но для этого потребуется численность. Но...»

После долгой паузы ведьмак продолжил, но голос его был другим – более зловещим.

«Есть еще кое-что в магии, чего я не объяснил. Использование магии требует платы. И это высокая цена. Ведьмаки могут делать это только потому, что наши тела мутировали, и это был не только самый болезненный ад, в котором я когда-либо был. но в то же время оставил меня бесплодным. И все те элитные маги, о которых мы говорили, они тоже заплатили свою цену. Они все тоже бесплодны. Эта сила, эта энергия не хочет, чтобы ее контролировали. "Это дико, хаотично, неестественно. Это смертельно. Это как бы противоположность... жизни. Или, по

крайней мере, противоположность тому, какой должна быть жизнь. Итак, я думаю, это имеет смысл, что нам пришлось дать. Как будто существует какой-то негласный договор: иметь возможность использовать эту силу означает, что мы должны отказаться от способности передавать ее дальше.

«Я знал многих из этих элитных пользователей магии, и некоторые из них говорили мне то же самое – что временами, когда они читают свои заклинания, они могут чувствовать, как сила отталкивает их. Как будто это они сопротивляются. Вот почему, утверждают они, они не могут каждый раз идеально произносить заклинания. Это всего лишь чистая спекуляция с моей стороны, но у меня такое ощущение, что есть что-то – и я не знаю что – удерживает этот хаос энергия под контролем, и если бы эта сила когда-либо была полностью высвобождена, она убила бы нас всех. Вот почему я сказал, что она непредсказуема. Вот почему я не люблю порталы. Я просто не доверяю Хаосу».

Эви была совершенно неподвижна и тиха.

Геральт покачал головой.

«Извините, я немного не по теме. В любом случае, да, мага можно победить. Как я уже сказал, его использование требует платы. Колдун не может просто непрерывно произносить мощные заклинания, одно за другим, без остановки. Они бы сгорели. Я даже видел, как они теряли сознание от истощения. Думайте об этом как о мышце. Если бы я сказал вам бежать как можно быстрее, вы не смогли бы делать это вечно. Вам придется отдохнуть довольно быстро. Именно так некоторых из этих магов можно поймать. Их мощные заклинания могут убить первую и вторую волну нападающих, но к тому времени, когда придет третья или четвертая волна, у них ничего не останется».

Иви кивнула в ответ на его объяснение.

«Спасибо, Геральт. Это было действительно интересно. И это многое объясняет». Затем она похлопала его по левой щеке. «Хорошо. Мы все закончили».

— Да? И как это выглядит?

— Забавно, ведьмак. Ты не заставишь меня ответить на этот вопрос.

«Ну, по крайней мере, скажи мне, что ты не сшил мне ягодицы».

ooo

После наложения швов Геральт выпил еще одно лечебное зелье и продолжил поиски убежища, в котором можно было бы переночевать. Еще через полчаса он наконец нашел подходящее место. С одной стороны пути над ними возвышался утес высотой не менее ста футов. Прямо в том месте, где местность превратилась из пологой в совершенно вертикальную, находилась небольшая пещера. На самом деле это была скорее ниша, а не пещера. Углубление в скале было всего пятнадцать футов глубиной и десять футов шириной. Но оно было достаточно глубоким, чтобы обеспечить им защиту на ночь.

Геральт дал Эви немного еды из своих седельных сумок, и пока она ела, он ухаживал за лошадьми и кормил их. Затем он сковывал их, чтобы они не подвергались опасности ночью. Наконец, он установил полдюжины ловушек с растяжками дальше по полукруглому периметру в качестве защиты и системы предупреждения. Вернувшись в нишу, он обнаружил Иви, крепко спящую в задней части пещеры на поддоне с одеялами, укрытую его толстым зимним плащом.

Она использовала одну из его дополнительных рубашек в качестве подушки. Ведьмак опустился на колени в нескольких футах от нее – как можно ближе к входу – и начал раскладывать компоненты, которые ему понадобятся, чтобы пополнить запасы отваров, зелий и бомб, которые он использовал несколькими часами ранее в нападение на гнездо неккера. Однако прежде чем приступить к этому, он незаметно стянул брюки, достал иголку и нитку и начал чинить истрепанную кожу. Он знал, что если он этого не сделает, то слезы будут становиться все больше и больше. Если он чему-то и научился у Весемира, так это необходимости заботиться о своем оборудовании – чтобы оно, в свою очередь, могло позаботиться о нем.

ooo

Вызима

Власть Эмгыра над своей империей ослабевала. Его войска застряли к югу от реки Понтар, увязнув в трясине Велена. Он узнал, что этот регион не зря называли «ничейной землей». Несмотря на помощь нескольких могущественных волшебниц, он потерпел несколько военных поражений от реданских войск короля Радовида. Клише «Необходимость — мать всех изобретений» не просто так является клише, и оно определенно применимо в данном случае к реданцам. Из-за ненависти Радовида ко всему магическому и его систематического преследования всех в его королевстве, кто хотя бы намекал на тайную магию, практически все маги и волшебницы покинули его королевство и отправились в другие страны. Поэтому у Радовида не было магов, способных сражаться с южными магами. Таким образом, реданский король заручился поддержкой лучших ученых и инженеров Оксенфуртской академии, чтобы разработать методы нейтрализации разрушительного воздействия наступательных заклинаний волшебницы. Глубокие, крытые траншеи защищали пехоту от любых магических воздушных бомбардировок. Нордлинги также разработали баллисты дальнего действия – далеко за пределами досягаемости заклинаний магов – чтобы обрушивать огромное количество димеритиевой взрывчатки на нильфгаардскую сторону поля боя. Используя современные телескопические устройства, реданцы могли даже определить точное местонахождение вражеской волшебницы. Это означало, что магу – прежде чем его раздавят и сожгут артиллерийским огнем – придется немедленно телепортироваться с поля боя, что, по сути, лишит его преимущества. Поскольку их магические огненные порталы было так легко обнаружить, если маг телепортировался обратно в бой, реданские осадные отряды это заметили и быстро атаковали. Тогда они немедленно преследовали бы димеритиумную атаку традиционными бомбами в надежде действительно убить волшебницу. Собственно, именно так и умер Ассир вар Анахид.

Вдобавок ко всему, реданцы имели преимущество в обороне. Основной военный факт заключается в том, что выкопать окопавшегося врага гораздо труднее и опаснее, чем защищаться от нападающих сил. Не помогло и то, что нильфгаардцы находились так далеко от дома, а также на недавно завоеванных, но все еще враждебных землях, и у них были трудности с поддержанием своих линий снабжения. Какой бы внушительной ни была армия, для победы ей все равно нужны две вещи – еда и оружие. На завоеванных землях Темерии и Аэдиерна по-прежнему существовало большое сопротивление, и эти борцы за свободу знали, что нападение на линии снабжения было гораздо более эффективным способом нанести ущерб Черным, чем фактическое нападение на вооруженные подразделения на фронте. И, конечно же, это заставило нильфгаардцев вывести с поля боя многие свои вооруженные части и использовать их в качестве эскорта корпусов снабжения, что, в свою очередь, ухудшило их возможности разгромить реданские войска.

Несмотря на все эти очевидные преимущества для обороняющихся реданских сил, с каждым

поражением слухи, ставящие под сомнение способность Эмгыра возглавить Империю, становились все более частыми и явными. Никого не волновало, чего уже достиг Эмгыр. Никого не волновало, что менее чем за год он завоевал Темерию, Аздири и все земли между реками Яруга и Понтар. Никого не волновало, что тем самым он увеличил размер Империи как минимум на двадцать процентов, что было невероятным подвигом. И Эмгыр знал, что причина, по которой это никого не волновало, заключалась в одном – в ожиданиях. Почему два человека могли получить практически одинаковый опыт – есть одну и ту же еду в таверне, слушать одно и то же пение тробайритца, спать с одной и той же проституткой – и один мог уйти обрадованный, а другой разочарованный? Проще говоря, их ожидания оправдываются. Ожидания могут вызвать волнение и вызвать предвкушение. Фактически, Эмгыр использовал это явление, чтобы заручиться поддержкой своего вторжения на север. С другой стороны, когда ожидания не оправдывались, это обычно пробуждало в людях самое худшее. Их дух привилегированности всплыл на поверхность. Население отказывалось сосредоточиться на том, что у них было, и быть благодарным за это; вместо этого они сосредоточились на том, чего у них не было, и стали обиженными и ожесточенными, потому что считали, что это – чего бы они ни хотели – им причитается. Зная все это, Император осознавал, что с ожиданиями, как с взрывчаткой, нужно обращаться осторожно. Он знал, что виноват только он сам, но, к сожалению, в начале Третьей Северной войны он и его военные стратеги ясно дали понять тем, кто имел значение, что цель состояла в том, чтобы завоевать все Северные королевства. Таким образом, это было ожидание, и что-либо меньшее будет считаться провалом.

Казалось, что в эти дни Эмгыр столкнулся с таким же сильным сопротивлением со стороны внутренних врагов, как и со стороны армий севера. Что еще больше усложняло ситуацию, так это то, что внутренние разногласия исходили от двух групп. Одной группой были коммерческие гильдии, поскольку эти экономические гиганты – как за счет налогообложения, так и за счет поставок товаров – брали на себя большую часть бремени по финансированию и оснащению вооруженных сил. Эти лидеры промышленности были рады поддержать Эмгыра и его экспансию, пока его солдаты завоевывали новые земли, что означало приобретение новых ресурсов и новых путей торговли. Но военные поражения были чем-то, чего они не могли терпеть. Не потому, что они были особенно патриотичны, а потому, что это затрагивало нечто гораздо более важное – их банковские счета.

Вторая группа состояла из некоторых амбициозных представителей нильфагардского дворянства. Это были мужчины и женщины, которые считали себя выше обычного человека не из-за великих поступков, а просто из-за своего происхождения. Их возмущало то, что Эмгыр так и не женился ни на одной из их дочерей, и что он привел свою родословную к вершине власти и престижа, которую, по их мнению, они по праву заслужили. При первых признаках слабости они были бы готовы узурпировать трон и поставить у власти кого-то из своих. Эмгыр знал, что общение с аристократами было неизбежным злом, и он опасался их улыбок и лести так же, как мурлыканья свирепого льва. Лев, который плюхнется на бок и обнажит брюхо, чтобы привлечь вас ближе и соблазнить вас, превратив в любимого любимца, только для того, чтобы через несколько мгновений разорвать вас в клочья обнаженными когтями и клыками.

Как бы Император ни беспокоился о своем будущем со стороны как внутренних, так и внешних врагов, он также был озадачен. Он ясно понимал, почему король Радовид сражался – чтобы сохранить свою власть – но он не мог понять, почему народ Редании решил встать на сторону такого тирана, как Радовид, против Империи. Этот человек ненавидел все и вся, кроме людей, включая магов. Эмгыр не понимал, почему все волшебницы, эльфы, гномы, халфлинги, доплеры и им подобные просто не берутся за оружие и не восстают. Он знал, что даже многие реданцы были недовольны тем направлением, в котором «Штерн» повел их страну. Так зачем же вести войну против Империи, тем более, что он – Император – ясно показал, какое

процветание можно достичь под его великодушным правлением? Нильфгаардцы, несомненно, были самой просвещенной нацией на континенте. Они были лидерами искусств и наук, архитектуры и инженерии, армии и торговли. Была причина, по которой многочисленные провинции и герцогства, жившие под знаменами Империи, никогда не восставали. Возможно, он был безжалостен по отношению к противоборствующим странам во время битвы, но он твердо верил в то, что после этого будет установлен мир, процветание и сильная инфраструктура. Тот факт, что жители Редании были слишком невежественны, чтобы увидеть или понять эту истину, лишь укрепил его веру в то, что он нужен им как правитель, чтобы делать то, что было в их интересах. Ему нужно было спасти их от самих себя. Но Император знал, что у него мало времени. Ему нужна была решительная и видимая военная победа, чтобы успокоить слухи о разногласиях и восстановить баланс сил.

Именно в этот момент Эмгыр услышал стук в боковую дверь своих покоев – дверь, которой когда-либо пользовался только один человек. Закрыв и заперев главный вход в свои покои, Император открыл дверь одному из немногих людей, которым он действительно доверял.

— Малек, какие новости ты принес?

Мужчина, известный просто как Малек, производил впечатление: он был на голову выше Императора и имел настолько широкие плечи, что едва мог пройти в дверной проем. Но не только его размеры внушали уважение и страх окружающим. У него были точеные черты лица героев эпических баллад, длинные струящиеся черные волосы, едва касавшиеся верха его таких же черных кожаных доспехов. Его квадратную челюсть покрывала аккуратно подстриженная борода, которая, как и волосы на его голове, с каждым годом становилась все более седой. Но эта особенность только подчеркивала его выдающуюся осанку. Его длинный тонкий нос был слегка искривлен – результат удара в бою. Но это несовершенство не только не испортило его лицо, но даже придало ему более опасный вид. Между выдающимися скулами и густыми бровями располагались пронзительные светло-голубые глаза цвета замерзшего пруда. В целом он источал силу, которая вселяла верность в его войска и похотливые мысли даже в самых целомудренных женщин.

Никто больше не знал об истинном звании и положении Малека в нильфгаардской армии, но он лишь подчинялся приказам самого Императора. Он и его тщательно подобранный отряд людей стали самым надежным и надежным инструментом Эмгыра. Какие бы деликатные, деликатные и тайные миссии ни требовалось выполнить Императору – вопросы безопасности, шпионаж, попытки убийств – он знал, что может рассчитывать на Малека. Например, именно Малек первым провел расследование, связался и убедил Лето из Гулеты и двух его соратников из Школы Змеи принять участие в запутанном заговоре по уничтожению монархов Северного королевства несколько лет назад. Проще говоря, мужчина решал проблемы.

«У нас есть зацепка, Ваше Величество», — заявил Малек, показывая Эмгыру плакат «Пропавший без вести», украшенный лицом Иви.

Император почувствовал прилив надежды внутри. Возможно, это могло бы переломить ход войны.

«Сделай все, что в твоих силах, чтобы найти ее. Нет ничего важнее».

— Понятно, Ваше Величество.

ooo

Иви медленно открыла глаза и на какое-то мгновение не могла вспомнить, где находится.

Солнце еще не взошло, но в нишу проникало достаточно света, чтобы она могла видеть ведьмака, стоящего на коленях в нескольких футах от нее. Он стоял к ней спиной и располагался между ней и входом в нишу, почти как часовой, охраняющий сокровище. Она тихо поднялась и на цыпочках подошла к нему так, чтобы видеть его лицо. Затем она медленно и осторожно села перед ним. Его глаза были закрыты, и Иви не могла понять, спит ли он или просто занимается ведьмачьей медитацией. Честно говоря, она не знала, можно ли ведьмаку вообще спать на коленях. Она внимательно его изучала. Его длинные белые волосы, собранные в хвост, выглядели немного маслянистыми. Но это имело смысл. Ее кожа тоже была маслянистой, поскольку с тех пор, как она в последний раз мыла ее, прошло несколько дней. Она увидела его лицо – обветренное, морщинистое и покрытое шрамами. Ее взгляд проследил за вертикальным шрамом, который шел от его левой брови вниз по скуле. Она подавила желание протянуть руку и осторожно провести по нему кончиками пальцев. Она знала, что после прошлой ночи в его коллекцию пополнятся еще четыре шрама. Она задавалась вопросом, сколько боли испытал ведьмак за свою жизнь. Она задавалась вопросом, какую часть этого он нашел просто по воле судьбы, а какую на самом деле он искал самостоятельно.

Она сомневалась, что на свете есть человек, переживший столько же смертей и насилия, как тот, кто стоял перед ней на коленях. Если ведьмачьи легенды были правдивы, то она знала, что с тех пор, как он был маленьким ребенком, его учили – и его тело мутировало – делать только одно – убивать. Но не ради особо благородной цели. Он не был солдатом, обученным убивать из чувства долга перед своей страной. Он также не был странствующим рыцарем, обученным поддерживать закон и порядок или защищать угнетенных. Фактически, он дал ей это понять только вчера. Его воспитали как простого наемника – убивать ради денег.

Она задавалась вопросом о его детстве. Знал ли он когда-нибудь своих родителей? Вырос ли он с братьями и сестрами? Были ли у него когда-нибудь друзья, с которыми он мог бы просто посмеяться и поиграть? Его когда-нибудь держали на руках, обнимали и любили? Она сильно в этом сомневалась. Она представила маленького, испуганного шестилетнего Геральта, которого преследует и гонит какой-то седой ведьмак-надсмотрщик, и ей вдруг захотелось заплакать. Ей хотелось протянуть руку и обнять его. Учитывая такое детство без любви, неудивительно, что ведьмаки вели себя именно так и имели такую репутацию. Как мог взрослый проявлять доброту, сострадание и сочувствие к другим, если он никогда не получал и не учился любви в детстве?

Так почему же мужчина, стоявший перед ней на коленях, был другим? Несмотря на его заявление о том, что он не предпринимал никаких действий, если дело не в монете, она знала, что на самом деле это неправда. По какой-то причине неделю назад он решил пощадить Тайрона, вооруженного топором, в баре «Тарсус». По какой-то причине он решил вмешаться и спасти ее от жестокого изнасилования и, возможно, убийства. По какой-то причине он провел неделю, проявляя к ней сострадание, лечя ее раны. И ни за одно из этих добрых дел он не получил ни одной монеты. Но, с другой стороны, она еще помнила ужасные крики нападавшего на нее после того, как ведьмак поджег его. В Геральте была одновременно жестокость и нежность, с которыми ей было трудно примириться.

— И как долго ты собираешься сидеть и пялиться на меня?

Голос ведьмака внезапно отвлек Иви от раздумий.

Она посмотрела и увидела, что глаза Геральта все еще закрыты. «Мне казалось, что я веду себя невероятно тихо», — сказала она.

Ведьмак открыл глаза.

«Я слышал тебя, когда ты проснулся. Твое дыхание изменилось, а пульс участился».

Эви в недоумении покачала головой. «Твои чувства невероятны. Ты когда-нибудь спишь?»

«Больше нет. Я могу спать, но я не помню, когда я это делал в последний раз. И правда в том, что мне это не нужно. Час или два медитации, и я чувствую себя полностью отдохнувшим».

Геральт не рассказал Эви причину, по которой он решил больше никогда не спать. Он боялся, что его по-прежнему будут мучить кошмары о смерти Цири — кошмары, которые мучили его в те пьяные месяцы прошлым летом. Он до сих пор хорошо помнил их. Нашел ее лицом вниз на пустынной, серой, каменистой равнине. Ее замерзшее тело было холодным и твердым, как камень. Перевернула ее и увидела, как личинки и черви поедают ее плоть, выползая из ее глаз. И услышав ее голос: «Почему ты меня не спас, Геральт?» Я рассчитывал на тебя. Затем он увидел, как длинные, толстые черные змеи поднимаются из земли рядом с ней. Он потянулся за своим мечом, но когда он вытащил его из ножен, он превратился в пепел. Змеи обвилились вокруг тела Цири, и он безуспешно пытался их вырвать. И тогда земля разверзнется и потянет ее вниз. Все это время она взывала к нему о помощи, а он стоял и не мог ее спасти. Именно эти кошмары изначально привели Геральта к пьянству. Он не знал, будут ли кошмары продолжаться, если он заснет, и на данный момент он все еще не хотел это выяснять.

«Значит, когда вы медитируете, вы все еще полностью осознаете свое окружение?» — спросила Иви.

«Да. Это немного сложно объяснить. И мое тело, и разум замедляются и переходят в состояние покоя, но я все еще чувствую все, что происходит вокруг меня».

— А как насчет еды? Я не видел, чтобы ты почти что-нибудь ел?

Геральт ухмыльнулся. «Это исследование, профессор? Вы берете у меня интервью, чтобы написать книгу?»

Эви слегка покраснела. «Мне очень жаль. Думаю, моя профессиональная сторона проявляется. Мне просто... интересно о тебе».

"Все нормально." Геральт улыбнулся, надеясь убедить ее, что ее вопросы его не раздражают. «Мне нужно есть. Моему телу нужна энергия, но ничего такого, что нужно вам, людям. Я могу делать перерывы между приемами пищи пять или шесть дней и все равно быть в порядке».

«Это потрясающе. Ты точно знаешь, почему это так?»

Ведьмак пожал плечами. «Я предполагаю, что это просто из-за мутаций в моем теле. Знаешь, я никогда раньше не делал вскрытие тела ведьмака, поэтому даже не знаю, как выглядят наши органы. Но я предполагаю, что мутагены просто превратили наши тела в высокоэффективные - я не знаю правильного слова - организмы или машины. По сравнению с людьми мы быстрее, сильнее и ловчее. Как вы знаете, наши чувства очень развиты. Мы не нам нужно спать, нам не нужно много есть и пить, мы невосприимчивы к болезням, довольно легко восстанавливаемся после травм, нам не нужно справлять нужду, мы не...

«Подожди, что? Тебе не нужно справлять нужду? Ты шутишь».

Геральт покачал головой. «Нет. Не шучу. Мне не приходилось справлять нужду уже более девяноста лет. Думаю, мои органы настолько эффективны, что просто используют каждый кусочек пищи и жидкости, которые я потребляю. Так что нечего... выделять».

Эви кивнула головой. «Это имеет смысл. Я просто никогда бы об этом не подумал».

— Есть ли что-нибудь еще, что ты хочешь знать о ведьмаках?

Она посмотрела ему в глаза. — О ведьмаках — нет. О тебе — да.

Геральт не сказал ни слова. Он просто смотрел на лицо Иви. Он не мог обнаружить в ее глазах ни следа обмана или двуличия. Только искренность и нежность. Он не знал почему, но внезапно стал очень хорошо осознавать свое тело. Он почувствовал прилив адреналина, у него участилось сердцебиение, а кожа потеплела. И он почувствовал желание узнать больше об этой женщине, стоящей перед ним. Узнать ее секреты, ее страхи, ощущение ее губ.

"Что вы хотите узнать?" — спросил он почти шепотом.

«Кто такая Цири?» — тихо спросила она.

Он посмотрел на землю и сглотнул. Он знал, как устроены отношения. Он понял, что если хочет узнать ее секреты, ему придется поделиться некоторыми из своих. И, как ни странно, какая-то часть его хотела, чтобы она знала. Возможно, если бы она знала, кошмары исчезли бы. «Поделенное бремя — это бремя, уменьшенное вдвое» и вся эта чушь», — подумал он про себя. Он слегка кивнул головой, а затем снова посмотрел ей в глаза.

«Она была моей дочерью».

В течение следующего часа Геральт рассказывал Эви о своей совместной жизни с Цири. Он рассказал ей, что Цири была его ребенком-сюрпризом, о том, как их жизни вращались в течение многих лет, пока он, наконец, не взял ее к себе и не обучил быть ведьмаком. Он рассказал ей о связи Цири с Ларой Доррен, Старшей кровью и силой, которой она обладала. Он говорил о Дикой Охоте и завершил рассказ тем, как Цири отдала свою жизнь, спасая мир от Белого Мороза. Когда он закончил, наступила естественная тишина, и ведьмак низко склонил голову.

Эви протянула руку и коснулась щеки Геральта.

«Геральт, твоя дочь — герой. Она спасла миллионы жизней. Она подарила всему этому миру подарок — будущее, свободное от Белого Мороза. Мы унаследовали будущее, которое может быть полным надежд и оптимизма, и все благодаря ей. "

Ведьмак поднял голову и посмотрел на Эви.

«В этом проблема с наследством. Кто-то должен умереть, чтобы вы его получили. И обычно это тот, кого вы любите». Он встал, подошел к входу в нишу и выглянул наружу. «Знаешь, я был бы почти согласен с ее жертвой, если бы думал, что этот мир стоит спасти. По крайней мере, тогда я мог бы объяснить, что ее смерть того стоила, что она действительно что-то значила. Но она отдала свою жизнь ради мира. полный... зла, ненависти и несправедливости. Мир, девиз которого: «Поступай с другими, прежде чем они поступят с тобой». Я бы предпочел, чтобы она... — Он сделал паузу, вздохнул и закрыл глаза. «Я все еще скучаю по ней».

Иви поднялась на ноги и подошла к скорбящему мужчине. Она обняла его и прижалась грудью и щекой к его спине.

— Прости, Геральт. Мне очень жаль.

После нескольких минут молчания ведьмак сказал тихим голосом: «Я бы хотел плакать. Я помню, как плакал, когда был маленьким мальчиком, до того, как принял мутагены... но я больше не могу плакать. Может быть, это моя память играет». надо мной подшучивали, но могу поклясться, что после этого всегда чувствовал себя немного лучше».

«Тогда я буду плакать по тебе».

Когда она обняла его крепче, рука ведьмака двинулась вверх – словно инстинктивно. Он схватил ее и крепко прижал к груди. Некоторое время они стояли так – ведьмак смотрел в никуда, а солнце выглянуло из-за горизонта.

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3411943>